

УДК 902/904 (574)

Я.А. Лукпанова

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;
Западно-Казахстанский центр истории и археологии, Уральск, Казахстан

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАНА №1 МОГИЛЬНИКА ЖАЙЫК-1 В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

В статье впервые вводятся в научный оборот некоторые материалы кургана №1 могильника Жайык-1, исследовавшегося в полевом сезоне 2019 г. Раскопки проводились в связи с планированием открытия музейного комплекса «Городище Жайык». Курган расположен при въезде на территорию будущего музея под открытым небом. В результате активного антропогенного воздействия насыпь находилась в аварийном состоянии. Центральная часть кургана была снесена тяжелой техникой, в западной половине также фиксировались разрушения. Вся поверхность насыпи изрыта землероями.

В результате археологических исследований в кургане, окруженном кольцевым рвом с обозначенным входом с южной стороны, изучено 14 погребений. К западу от центральной могилы были погребены женщины – пять комплексов, с восточной стороны мужчины – семь. Полученный материал разновременный, отложившийся на протяжении нескольких столетий: от V–IV до IV–III вв. до н.э.

В рамках предлагаемой статьи акцент сделан на рассмотрении исключительно женских погребений, поскольку сохранность материалов в них лучше. Анализ этого и других факторов позволяет сделать вывод о значимости роли женщины в древнем обществе.

Ключевые слова: Жайык, курган, погребение, подбой, сарматы, ритуал, обряд, социальное положение, маркер

DOI: 10.14258/traif(2020)2(30)-08

Введение

Могильник Жайык-1 расположен на правом высоком берегу р. Урал, в 13 км юго-западнее г. Уральска, при въезде на территорию средневекового городища Жайык (рис. 1). Он состоит из четырех курганных насыпей. Курган №1 являлся самым большим (диаметр 42 м, высота 1,8 м), сооружался в два этапа, имеет сложную подкурганную конструкцию. Центральная часть кургана сложена из грунтовых блоков, которые представляли собой «вальки», вырезанные из верхнего гумусового горизонта. Они были уложены на бревна, которые впоследствии сгорели во время сжигания конструкции. Размер «вальков» примерно 30×20×15 см. По периферии внутренняя насыпь окружена кольцевым рвом глубиной от 0,5 до 2,5 м, ширина рва варьировалась от 0,5 до 1,5 м. Важно отметить, что с северной стороны ров оказался более глубоким и ширина – максимальной, вход зафиксирован с южной стороны (рис. 2). В заполнении кольцевого рва на разных глубинах обнаружены камни, мел, кости животных, фрагменты керамики, части жертвенников разных форм.



Рис. 1. Расположение могильника Жайык-1.
Карту-схему подготовил М.А. Антонов

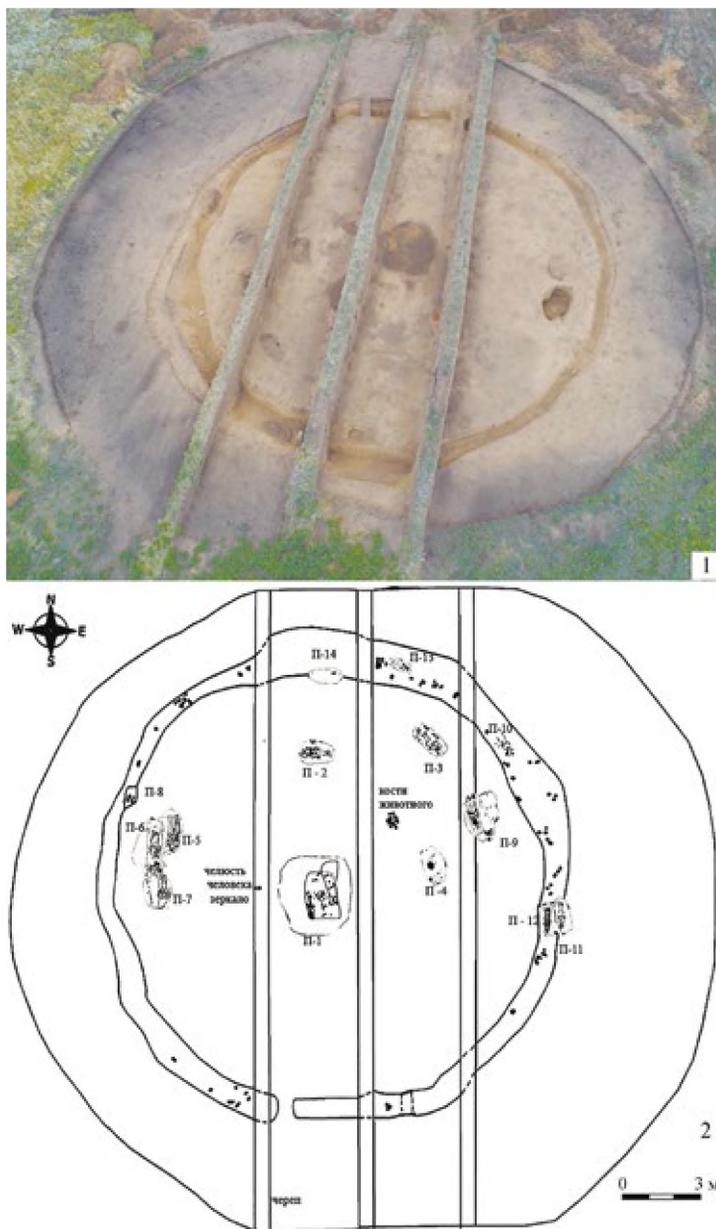


Рис. 2. Жайык-1. Курган №1: 1 – в процессе раскопок; 2 – план с погребениями

В центральной части кургана присутствовали следы горения в виде обожженных и оплавленных блоков, шлаков, кусков грунта кирпичного и темно-розового цветов, обугленные фрагменты древесины. Сложная из блоков внутренняя конструкция перекрыта насыпью из желто-серого рыхлого гумусированного суглинка, представлявшего собой слой грунта, который залегал под гумусовым горизонтом на участках заготовки строительных блоков. Период раннего сооружения кургана относится к V–IV вв. до н.э. Курган неоднократно досыпался и дополнялся более поздними впускными захоронениями.

Всего в кургане выявлено 14 погребений. Они были расположены полукольцом вокруг центральной ямы, основная их часть ориентирована головой на юг, юго-запад, юго-восток. С западной и восточной стороны центральной ямы зафиксировано по одному взрослому погребению «на животе», лицом вниз (№7 и 11) и по одному погребению детей-подростков (№8 и 12). В северной периферии кургана находились три погребения. Одно оказалось во рву – обезглавленный мужчина (№13), его череп покоился возле кисти правой руки, а в ребрах найден железный наконечник стрелы. Второе погребение (№14) выявлено на краю рва. Могила разграблена, остался один череп. Третья могила (№10) располагалась на уровне древнего горизонта. Все эти три погребения так или иначе связаны со рвом. Погребенные люди были ориентированы головой на восток с некоторым отклонением к юго-востоку. Форма могильных ям в плане прямоугольная, подбойная, с заплечиками. Пять погребений (№1, 5, 6, 7 и 8), судя по специфичному набору вещей, принадлежали женщинам. Четыре из них сосредоточены в западной части кургана. Исключение составляет погребение №4 (оно шестое), которое располагалось с восточной стороны центральной ямы. Там найдены три стеклянные бусины, разрозненные кости человека. Череп и тазовые кости отсутствовали, что затрудняет определение гендерной принадлежности погребенного, поэтому по наличию бусин мы отнесли его к женскому. Семь погребений (№3, 4, 9, 11 и 12) обнаружены с восточной стороны центральной ямы. По так называемому мужскому набору вещей мы их отнесли к мужским.

Материал исследования

Погребение №1 находилось в центральной яме кургана. Могильное пятно прямоугольной формы, длинными сторонами ориентировано по оси Ю–С, размеры – 4,75×3,7 м. Заполнение ямы оказалось плотным. В нем встречено значительное количество фрагментов угля, шлаков, золы, кости крупного животного, разрозненные кости человека, под воздействием высокой температуры принявшие серый цвет. В северо-восточном углу ямы обнаружен уступ на глубине 1,8 м в виде ступеньки. Но это, вероятнее всего, остатки дна первой ямы, над которой соорудили первоначальную насыпь. Позже могила была ограблена, а дно пробито глубже для совершения более позднего погребения. Стены ямы сужались ко дну на глубину 3,14 м от древнего горизонта. Размеры по дну – 2,85×1,7 м (рис. 3.-1).

На дне ямы выявлено захоронение, предположительно женщины, разграбленное в древности, основная часть костей была сложена в юго-западном углу ямы. Безусловно, гендерная принадлежность погребенного в яме человека определена по вещам, обнаруженным в захоронении: три ромбовидные гагатовые бусины черного цвета, 60 стеклянных бусин с внутренней позолотой, 18 гешировых шайбовидных бусин (рис. 3.-2–3), фрагменты деревянного гребня, костяные накладки от деревянного короба (рис. 3.-4–5), керамическая чернолаковая чаша, внутренняя часть орнаментирована четырехлепестковой розеткой и поясом вертикальных зигзагообразных линий по дну и придонной части (рис. 4.-1), фрагмент четырехугольного предмета из камня (рис. 3.-6), фрагменты сероглиняного гончарного сосуда с ручкой (рис. 4.-2). Вдоль восточной стенки ямы обнаружен отпечаток меча с прямым перекрестьем, с серповидным навершием. Н.А. Берсенева [2011, с. 75] отмечает, что определенный процент захоронений женщин в степных и лесостепных обществах находят с оружием. Е.В. Вдовченков [2013, с. 291] на примере одного могильника Новый выделяет 16% женских погребений с оружием, при этом перечисляет виды оружия: меч, стрелы, кинжал. Поэтому считаем вполне возможным наличие меча именно в женском погребении, так как остальные найденные вещи относятся к категории женских.

Погребение-4 располагалось в 5,25 м северо-восточнее центрального погребения, между центральной и восточной бровками. Яма прямоугольной формы с округлыми углами, длинными сторонами ориентирована по оси ЮЮВ–ССЗ. Заполнение ямы представляло собой темно-серую гумусированную супесь с вкраплениями материкового грунта. В заполнении ямы выявлены берцовые кости человека, фрагменты черепа. Стенки ямы прямые. Длина ямы 2,4 м, ширина – 1,25 м, глубина 0,55–0,62 м от уровня древнего горизонта. Дно ямы неровное, с подъемом к северу–северо-западу. На дне на органической подстилке светло-серого цвета обнаружены разбросанные кости человека, яма была ограблена в древности (рис. 5.-1). В центральной части ямы сохранился фрагмент правой ло-

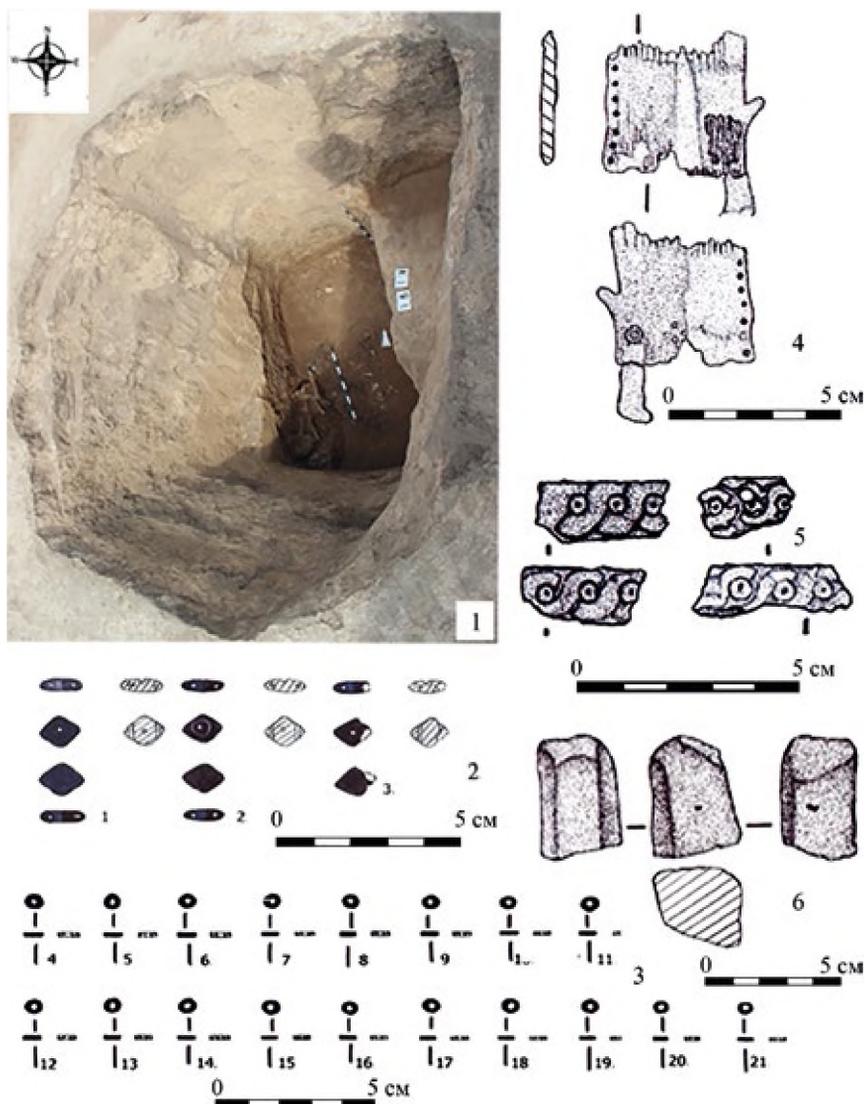


Рис. 3. Жайык-1, курган №1: 1 – план погребения-1; 2 – ромбовидные бусины; 3 – гешировые шайбовидные бусины; 4 – фрагмент деревянного гребня; 5 – фрагменты костяных накладок; 6 – фрагмент предмета из камня

патки, бедренная кость левой ноги человека, с левой стороны кости обнаружены фаланги пальцев, три бусины с внутренней позолотой *in situ*. В южном углу ямы лежали фрагменты разбитого лепного сосуда (рис. 5.-2-3). Восточный угол ямы разрушен землероями.

Погребение-5 было зафиксировано в 8,7 м к северо-западу от центрального погребения, оно было совершено в подбое (рис. 6.-А). Могильное пятно подпрямоугольной формы длинными сторонами ориентировано по оси ЮЮВ-ССЗ. Заполнение входной ямы представляло собой темно-серый суглинок с примесями материковой глины. В заполнении на всех уровнях встречались кости человека, фаланги пальцев, ребра, кости правой руки в сочленении, на запястье которой обнаружен бронзовый браслет (рис. 7.-2а), а также фрагменты зеркала (рис. 7.-5), бронзовый браслет, черешковый нож.

С восточной стороны входной ямы (на глубине 1,69 м) обнаружен подбой, который длинными сторонами был ориентирован по оси Ю-С. Длина подбоя 2,4 м, ширина 1 м. Погребение предположительно принадлежало женщине, которая лежала вытянуто на спине, головой на юг. Череп погребенной покоится на шейных позвонках. Под скеле-

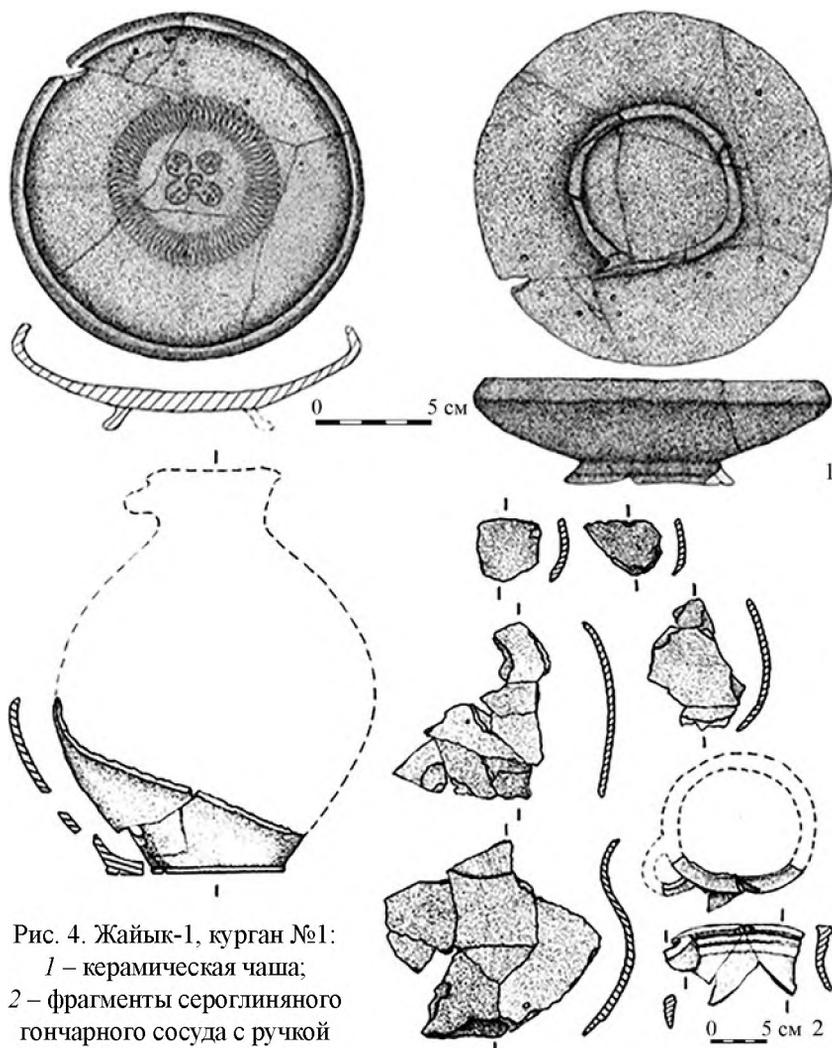


Рис. 4. Жайык-1, курган №1:
1 – керамическая чаша;
2 – фрагменты сероглиняного
гончарного сосуда с ручкой

том прослежен тонкий слой органики черного цвета (кошма?) с меловым содержанием. Важным моментом в данном погребении является то, что скелет потревожен, у него отсутствуют правая берцовая кость, правая рука и ребра с правой стороны, левая рука лежит ладонью вниз. Все отсутствующие кости женщины обнаружены в заполнении входной ямы. Поскольку кости руки найдены в сочленении, очевидно, в данном случае мы сталкиваемся с обрядом расчленения. Причем бронзовый браслет, как на левом запястье скелета, был обнаружен в области запястья правой конечности человека, найденной в заполнении ямы. У южной стенки выявлены кости крупного животного: ребра и мелкие

позвонки. Вокруг шейных позвонков женщины найдены шесть нашивных блях в виде жуков, изготовленные из желтого металла, вероятно, декор воротника одежды (рис. 7.-1). На запястье левой руки был надет бронзовый браслет из литого прута, под костями животных лежит черешковый нож, слева у плеча женщины найдены два фрагмента лепного сосуда (рис. 7.-2б, 3-4). К погребению-5 относятся также предметы, найденные в заполнении входной ямы.

Входная яма погребения-5 позже была пробита ниже и использована для погребения-6.

Погребение-6 выполнено во входной яме погребения-5, дно ямы зафиксировано на глубине 2,72 м. Яма была углублена, границы удлинены к югу. Размеры ямы по дну – 2,05×0,8 м. В углах ямы зафиксированы остатки столбов, в ней была сооружена столбовая конструкция, перекрытая корой. Высота столбов от 1,1 до 1,18 м, диаметр от 0,18 до 0,22 м. В яме было совершено более позднее захоронение, судя по набору вещей, найденных в могиле, принадлежавшее женщине (рис. 6.-Б).

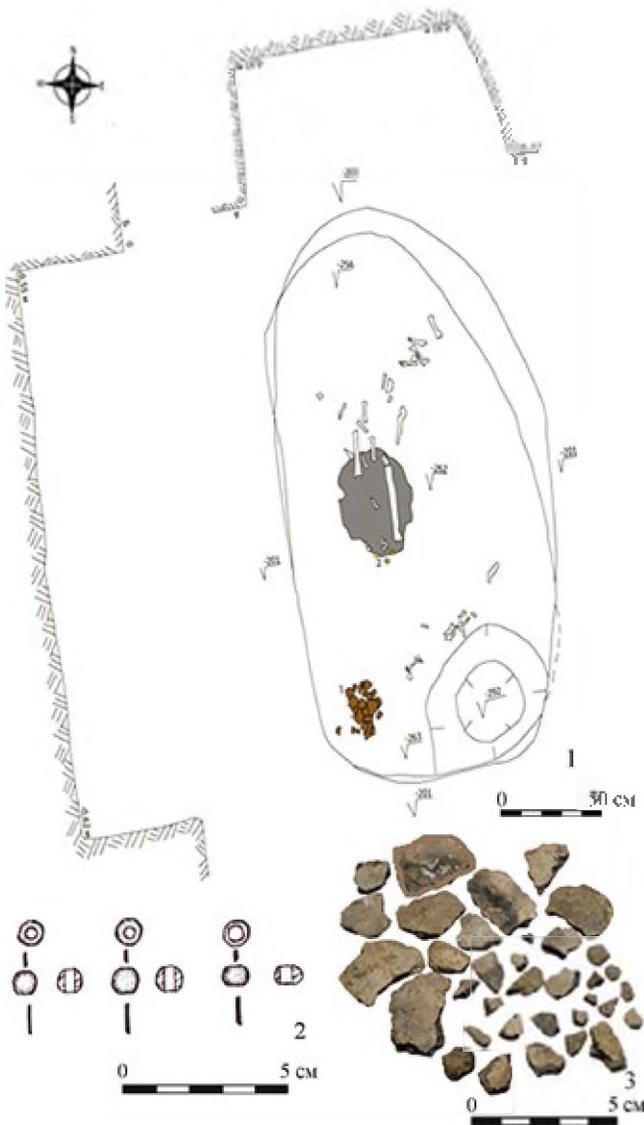


Рис. 5. Жайык-1, курган №1:
1 – план погребения-4; 2 – бусины;
3 – фрагменты лепного сосуда

Головой она была ориентирована на юг, с отклонением на юго-запад. Руки вытянуты вдоль корпуса, кисти – вдоль тазовых костей, левая нога согнута в колене, пятки соединены. Под бедренными костями обнаружены конечности барана. Под черепом находилось бронзовое зеркало, с валиком по окружности и боковой ручкой-штырем. Диаметр его 19 см. На зеркале найдена серьга, витая в 1,5 оборота из желтого металла (рис. 8.-1-2), вокруг шейных позвонков обнаружены 193 бусины и уплощенная, подтреугольной формы подвеска (рис. 8.-3), между правой рукой и ребрами погребенной выявлено 54 бусины. На левом запястье погребенной обнаружено 36 бусин, на правом – 31 бусина. У изголовья лежал бронзовый литой котел на высокой конической ножке, внутри которого обнаружены две лопатки барана (рис. 8.-4). Рядом с котлом находился трехлопастной втульчатый железный наконечник стрелы (рис. 8.-5). Справа у ног погребенной зафиксированы железный утяжелитель древка и шило (рис. 8.-6-7). В сарматских погребениях встречаются так называемые «утяжелители древков», они представляют собой железные стержни, которые вставлялись во втулки наконечников стрел. В.М. Клепиков [2002, с. 49] отмечает, что такие утяжелители появились в савроматское время в Приуралье, далее встречаются в раннепрохоровских комплексах. Подобные утяжелители были обнаружены в мужском и женском погребениях кургана №2 могильника Таксай-2 в 2015 г. [Лукпанова, 2016, с. 108; 113]. На ногах женщины в области щиколоток найдена курильница на высоком рюмкообразном поддоне. В ней были зафиксированы три каменных «молоточка» (рис. 8.-8-9). Слева, в области плеча погребенной, зафиксировано пряслице, изготовленное из мела (рис. 8.-10). Останки погребенной покоились на органическом тлене.

Погребение-7 – подбойное, длинными сторонами ориентировано по оси Ю–С. Размеры пятна могильной ямы – 1,95×0,72 м. Глубина ямы от уровня древнего горизонта – 0,9 м. Вдоль западной стены обнаружено тонкое бревно диаметром 10 см (рис. 6.-В).

С восточной стороны ямы зафиксирован подбой. В нем обнаружен костяк взрослого человека, судя по обнаруженному пряслицу и лепному горшку в могиле, погребение принадлежало женщине, головой ориентированной на юг. Скелет находился в анатомическом

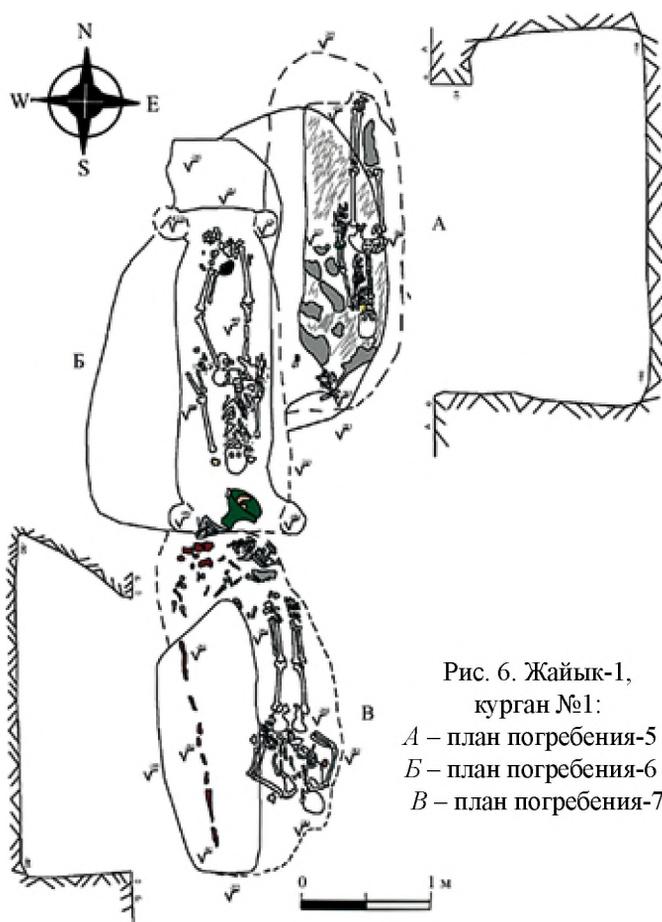


Рис. 6. Жайык-1, курган №1:

- А – план погребения-5;
- Б – план погребения-6;
- В – план погребения-7

порядке лицом вниз, на животе, руки согнуты в локтях, кисти на уровне поясицы. Ноги вытянутые, прямые, у ног выявлены кости мелкого рогатого скота. Между левой рукой и ребрами обнаружено пряслице биконической формы (рис. 9.-1), усеченное с двух сторон, на поверхность которого нанесены вертикальные линии, камень обработанный (рис. 9.-2), в ногах – разбитый лепной сосуд с трубчатым носиком (рис. 9.-3б), коротким горлышком, с плоским дном (рис. 9.-3д). Тулово сосуда украшено горизонтальной волнистой линией (рис. 9.-3а), под венчиком проходит орнамент в виде вертикальных коротких линий – насечек, нанесенных ногтем (рис. 9.-3в).

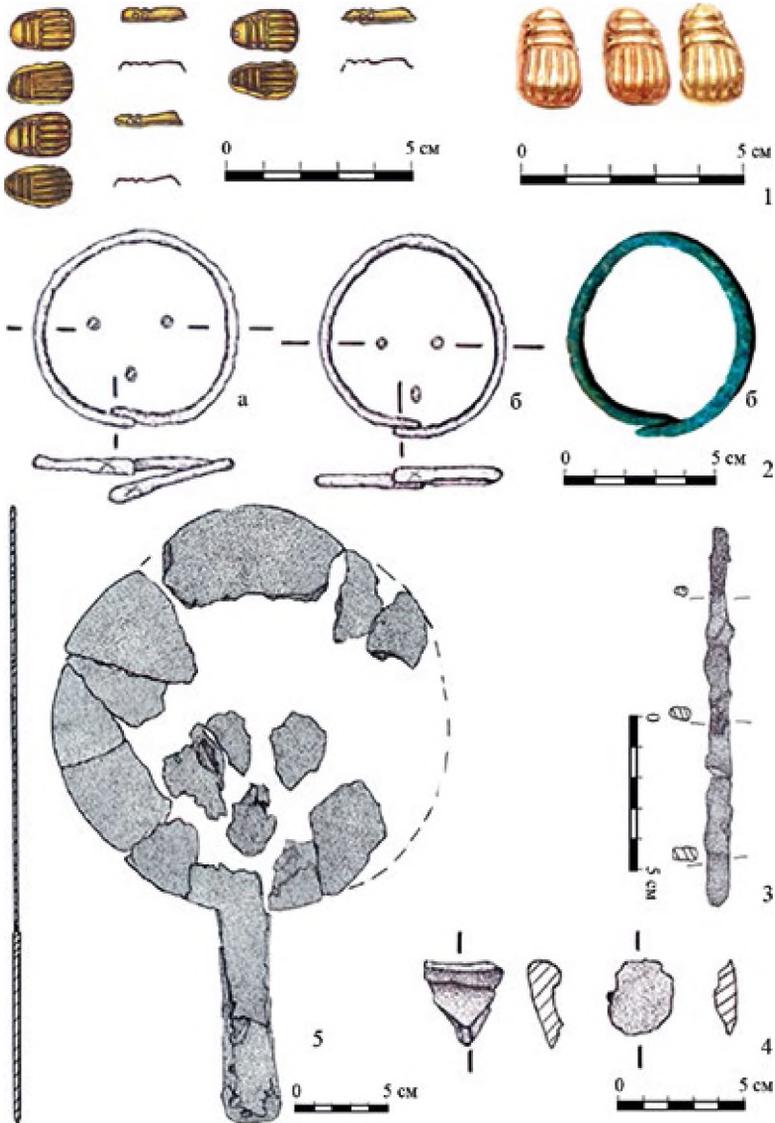


Рис. 7. Жайык-1, курган №1: 1 – нашивные бляшки в виде жуков; 2а, б – бронзовые браслеты (а – из заполнения, б – из погребения); 3 – черешковый нож; 4 – фрагменты лепного горшка; 5 – фрагменты бронзового зеркала

Погребение-8. Яма глубиной от материковой поверхности 0,18 м, прямоугольной формы. Размеры ямы – 1,4×0,65 м. Границы юго-восточной части ямы сохранились, северо-западная ее часть заходит на ров. Кольцевой ров был сооружен раньше. Дно ямы неровное, с подъемом к югу.

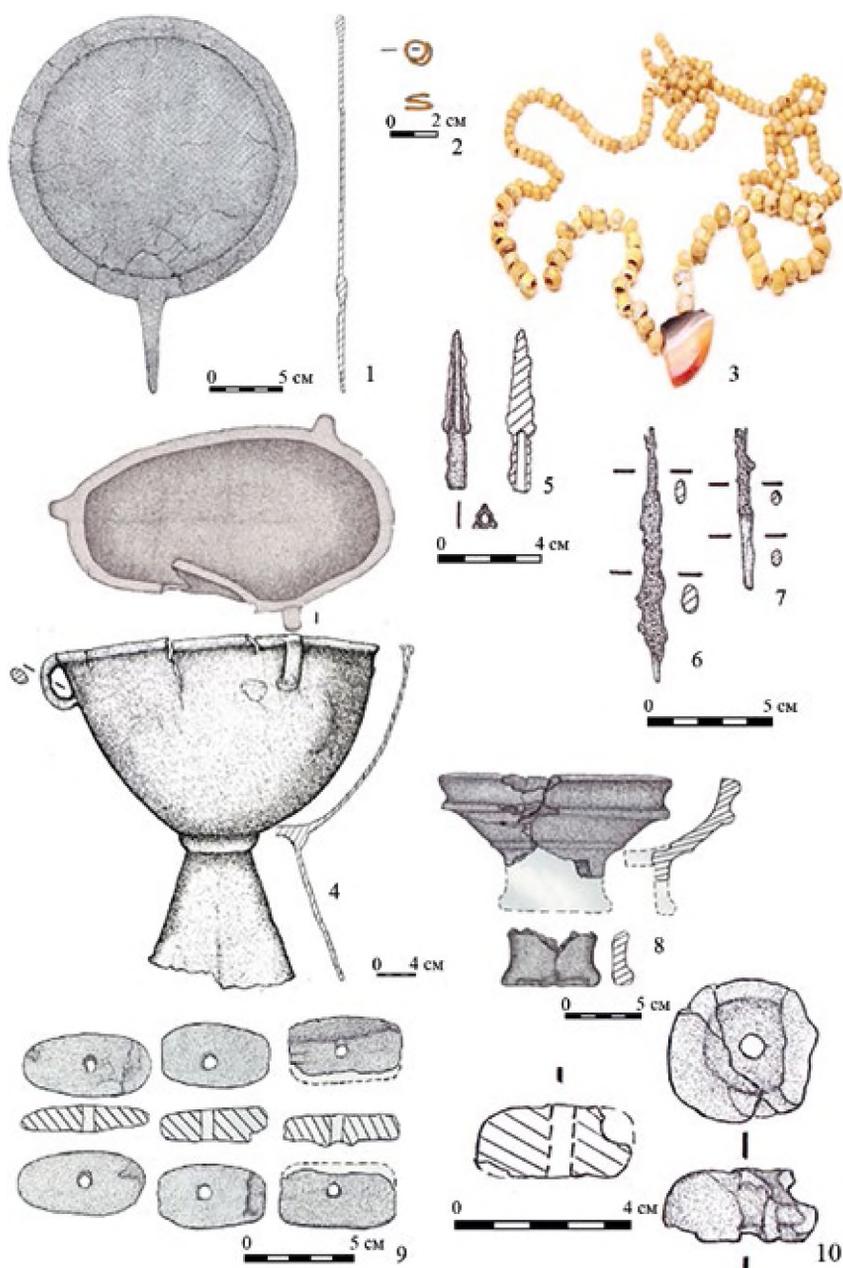


Рис. 8. Жайык-1, курган №1: 1 – бронзовое зеркало; 2 – серьга; 3 – ожерелье; 4 – котёл; 5 – наконечник стрелы; 6 – нож; 7 – утяжелитель древка; 8 – курительница; 9 – каменные «молоточки»; 10 – пряслице

В яме выявлено захоронение ребенка, скелет в плохом состоянии, кости потревожены грызунами, череп разбит (рис. 10.-1). Головой умерший ориентирован на юг. Вокруг шейных позвонков обнаружено 28 стеклянных бусин (бисер) (рис. 10.-2), с левой стороны черепа зафиксирован лепной кувшин с ручкой (рис. 10.-3). Анализ инвентаря позволяет считать данное погребение женским.

Анализ и обсуждение материала

В кургане зафиксирована полукольцевая система расположения могил, характерная для погребального обряда ранних сарматов Южного Приуралья. Судя по распределению женских и мужских захоронений в кургане, где разновременные погребения не нарушают внутреннюю систему, а наоборот, создают какую-то общую картину расположения погребений, можно сказать, что все комплексы связаны между собой. Вопрос может вызвать расположение могильных ям 5, 6 и 7. Несмотря на то что погребение-6 выполнено во входной яме погребения-5, а погребение-7 прорезало верхнюю часть северной стенки могильной ямы погребения-6, все три захоронения не потревожены. Это

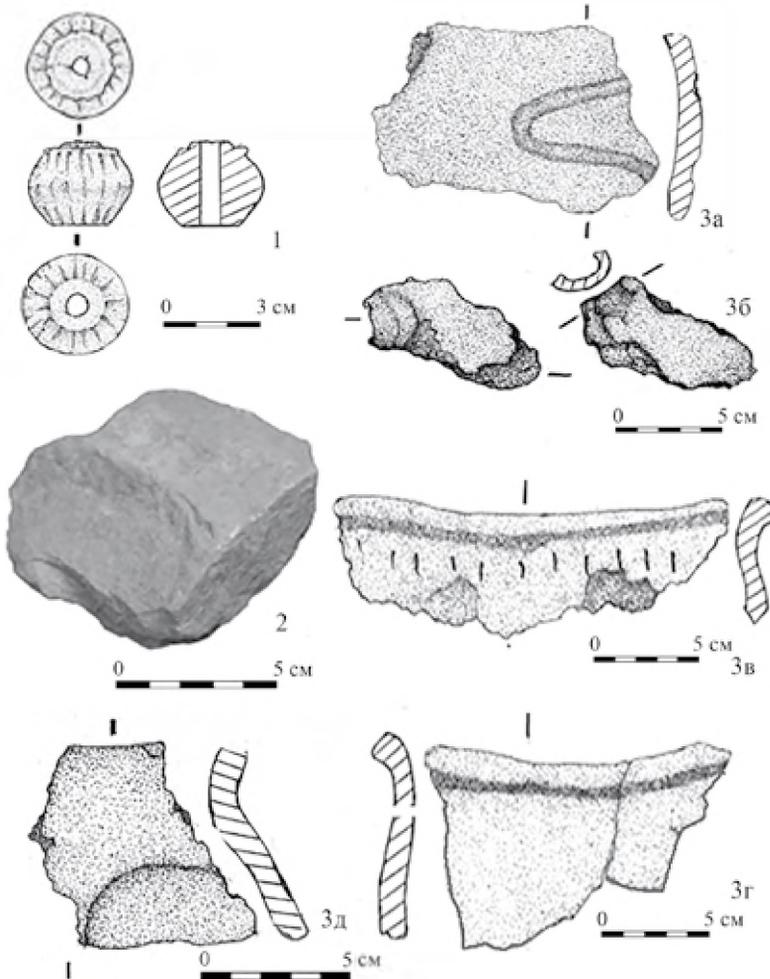


Рис. 9. Жайык-1, курган №1: 1 – пряслице; 2 – камень; 3а-д – фрагменты сосуда

свидетельствует о том, что при совершении этих захоронений учитывалась какая-то определенная особенность: либо близкородственные связи, либо определенный статус этих людей. Нельзя не согласиться с мнением В.М. Клепикова, что в погребальном обряде сарматов курган мог символизировать дом. Причем это захоронение не одной семьи, а представителей родственных групп «дальнего окружения», которые сохраняли память, обряды и главное – «связь с нуклеарным родом», а значит, и с кладбищем [Клепиков, 1999, с. 78]. Кладбища принадлежали родственному клану и, судя по вещевому комплексу из погребений кургана №1 могильника Жайык-1, женщины представляли более влиятельную группу, чем мужчины. Женские и мужские погребения были нами определены по набору вещей, характерных для тех и других захоронений. По анализу вещей все женские погребения – с инвентарем, среди мужских таковых насчитывается только два.

К ранней группе из сохранившихся женских комплексов относится центральное погребение, датируемое концом IV – началом III в. до н.э. Особый интерес вызывает набор костяных орнаментированных пластин (рис. 3.-4), прямые аналогии которым обнаруживаются в материалах могильника Баланды-1, где подобными деталями украшалась роскошная деревянная парадная шкатулка [Степная полоса..., 1992, табл. 13, рис. 2–8]. Обнаруженный рядом с пластинами гребень (рис. 3.-5), очевидно, находился в ней. Датировка Баланды-1 определяется в пределах последней трети IV в. до н.э., не позднее начала III в. до н.э. [Степная полоса..., 1992, с. 55].

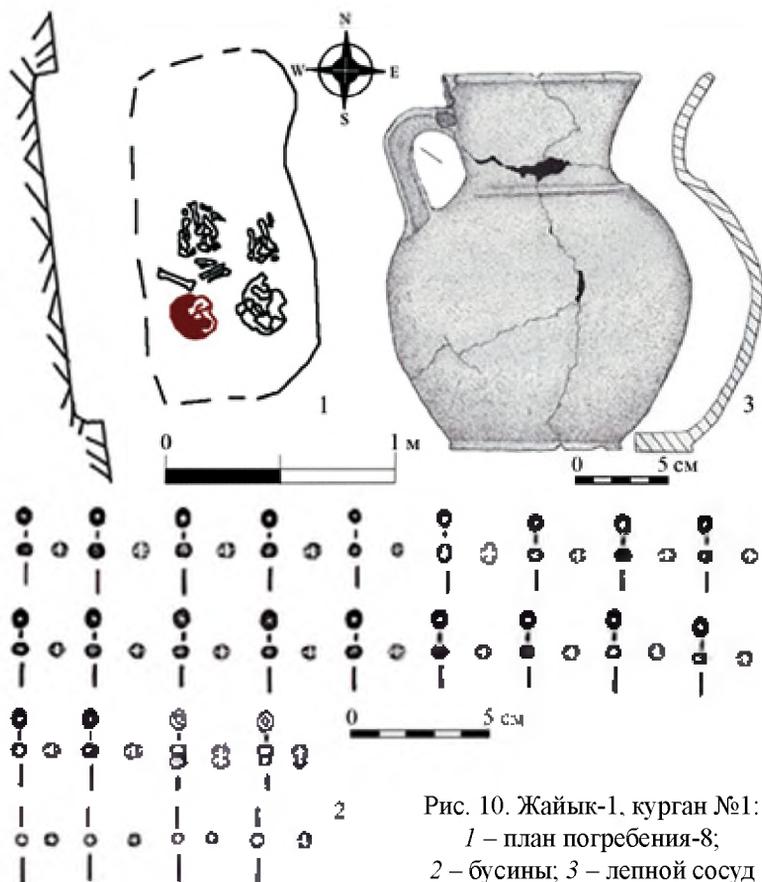


Рис. 10. Жайык-1, курган №1:
1 – план погребения-8;
2 – бусины; 3 – лепной сосуд

Ближайшей аналогией чернолаковой чаше (рис. 4.-1) из центрального погребения является мисочка из комплекса Кривая Лука-6, курган №1, погребение-14 [Дворниченко, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1977, рис. 71]. По аналогии из Афинской агоры она датируется 380–350 гг. до н.э. [Очир-Горяева, 1988, с. 17]. Чаша не может быть хроноиндикатором в этом комплексе, так как наличие в погребении гешировых и стеклянных бусин с позолотой уже относит дату этого погребения к рубежу IV–III вв. до н.э. [Мошкова, 1963, с. 45]. Очень редкими для памятников Южного Приуралья являются ромбовидные бусины из черного стекла с четырьмя отверстиями (рис. 3.-2).

Погребение-4, к сожалению, невозможно продатировать, могила ограблена в древности. Бусины (рис. 5.-2), обнаруженные в яме, датируются широким интервалом времени. Но южная ориентировка костяка позволяет отнести захоронение к раннесарматскому периоду.

Погребение-5 принадлежит женщине, набор сопутствующих вещей подчеркивает ее определенный социальный статус. Комплекс датируется 2-й половиной IV в. до н.э., не исключается начало III в. до н.э. Ворот ее одежды был украшен нашивными бляхами из желтого металла, выполненными в технике басмы, в виде жуков-скарабеев (рис. 7.-1). На изображении выделена голова жука и спинка, целиком покрытая бороздками. Фигуры жуков-скарабеев на бляхах очень похожи на бусины из египетского фаянса с аналогичным изображением, встречаемые в сарматских погребениях Нижнего Поволжья VI в. до н.э. – IV в. н.э. [Мошьева, 2010, с. 163, рис. 1.-49–64]. Других аналогий бляхам из Жайыка-1, к сожалению, мы не обнаружили. Безусловно, образ жука-скарабея в изображениях встречается крайне редко в погребениях Южного Приуралья и если его рассматривать в контексте костюма, то бляхи выступают как солярные символы, амулеты [Мошьева, 2010, с. 158]. Бронзовые браслеты (рис. 7.-2а, б), изготовленные из круглого в сечении прута, получили широкое распространение с конца VI – IV в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 43] и встречаются в сарматских погребениях вплоть до II–IV вв. н.э. [Клепиков, 2002, с. 88]. Два браслета из данного комплекса, с уплощенными концами и орнаментом в виде косоугольного креста, представляют собой стилизованные змеиные головки. Зеркало (рис. 7.-5) с гладким диском и плоской ручкой датируется в пределах IV–III вв. до н.э. [Мошкова, 1963, с. 42; Клепиков, 2002, с. 70]. Ямы с подбоями в погребальном обряде ранних кочевников Южного Приуралья появились в VI–V вв. до н.э., широкое распространение они получили в IV в. до н.э., с ориентировкой костяков на юг [Куринских, 2008, с. 69; Таиров, 2009, с. 142].

Бронзовое зеркало из погребения-6 (рис. 8.-1) появилось не ранее рубежа IV–III вв. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 71; Мошкова, 1963, табл. 28.-9], основное их распространение пришлось на III в. до н.э. Спиралевидные серьги из желтого металла в 1,5 оборота (рис. 8.-2) являются самыми ранними и самыми распространенными формами, существуют аналогичные им бронзовые, обложенные золотой фольгой серьги. Сечение проволоки круглое. Встречаются они в погребениях с IV по III–II вв. до н.э. Диаметр серьги 1 см. М.Г. Мошкова [1963, табл. 29.-20] отмечала, что у более ранних сережек диаметр от 1,9 до 3,4 см, на рубеже IV–III вв. до н.э. диаметр их меняется от 1 до 1,5 см.

Цельнолитой бронзовый котел (рис. 8.-4), обнаруженный у изголовья женщины, имеет следы порчи, тулово деформировано, помято, часть ножки котла отсутствует. Тулово котла чашевидное, в верхней части проходит горизонтальный шов, под венчиком котла имеется три ручки-петельки, распределенных симметрично по окружности венчика, поддон воронковидный, в месте перехода тулова в поддон расположен выпуклый кольцевидный валик. По классификации С.В. Демиденко сосуд можно отнести к типу V – котлы

с чашевидным туловом и воронковидным поддоном, вариант А – без орнамента. Подобные котлы датируются 2-й половиной IV – началом III в. до н.э. [Демиденко, 2008, с. 17, 195, рис. 83.-23]. Котлы играли важную роль в жизни ранних кочевников: с одной стороны, они являлись символом жизни, благополучия, непрерывности поколений, богатства [Хисамитдинова, 2010, с. 170], с другой – были связаны с культом огня, принадлежали к сакральным предметам, символизировали власть [Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 16; Дзиговский, Островерхов, 2010, с. 167]. Намеренная порча их в погребальном обряде заключалась в древнем ритуале, бытовавшем в среде ранних кочевников Евразии, связанном с представлениями о потустороннем Мире [Бейсенов, Джумабекова, 2017, с. 36].

Как отмечалось выше, в ногах женщины была обнаружена лепная курильница (рис. 8.-8) с чашевидным туловом на высоком рюмкообразном поддоне. По горизонтальной поверхности чаши проходят три валика. В тесте керамики содержится примесь талька, что позволяет датировать его IV в. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 77]. По классификации К.Ф. Смирнова [1973, с. 168] она относится к типу VIII. В курильнице находилось три каменных «молоточка» (рис. 8.-9). Они уплощенные, вырезаны из камня, овальные в сечении, с отверстием в средней части. «Молоточки» клали по три штуки в сосуды или просто у ног. Характерны они только для комплексов прохоровской культуры [Мошкова, 1963, с. 46; Скрипкин, 1990, с. 101], датируются в пределах III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 164], и, безусловно, связаны с религиозными представлениями ранних кочевников, с каким-то определенным обычаем в погребальном обряде. В целом найденные в едином комплексе зеркало с валиком и ручкой-штырем, курильница, «молоточки», бронзовый котел, утяжелители древков (рис. 8.-7), железный втульчатый наконечник стрелы (рис. 8.-5) датируют данное погребение началом III в. до н.э.

Скелет женщины из погребения-7 лежал лицом вниз, на животе. Подобные позы были нестандартными и встречались в раннем железном веке очень редко. М.А. Балабанова [2011, с. 23], проведя сравнительный анализ встречаемости подобных захоронений, отмечает, что их доля составляет 5%. О погребениях на животе упоминал К.Ф. Смирнов [1974, с. 34], подобный обряд существовал, но он был представлен лишь в нескольких случаях. Символика таких погребений непонятна, вопрос дискуссионный, к сожалению, обобщенного мнения нет. В данном кургане (Жайык-1, курган №1) выявлены два таких погребения, принадлежавшие мужчине и женщине. Они расположены синхронно с западной и восточной стороны кургана, головой ориентированы на юг. Отличаются формы могильных ям. Женщина погребена в яме с подбоем, мужчина – в яме с прямыми стенками. Мужское – безынвентарное, в женском обнаружены пряслице (рис. 9.-1) и лепной горшок. К сожалению, сосуд плохой сохранности (рис. 9.-3а-д), пряслице не может быть хроноиндикатором в погребении, так как все типы пряслиц встречаются на протяжении всего раннего железного века [Клепиков, 2002, с. 73]. С учетом особенностей захоронения, конструкции погребальной ямы погребение датируется III в. до н.э.

Погребение-8 принадлежит ребенку старше 5 лет, судя по маркерам гендера, девочке [Берсенева, Гильмитдинова, 2013, с. 40]. Украшение на шее девочки представляет собой низку из мелкого бисера черного цвета (рис. 10.-2). Бусы сложно использовать в культурно-хронологической реконструкции. Так, например, большое количество бисера встречается в погребениях IV–III вв. до н.э., в III–II вв. до н.э. его количество увеличивается [Мошкова, 1963, с. 45] и бисер существует на всем протяжении раннего железного века. Кувшин (рис. 10.-3) из погребения покрыт красным ангобом и, вероятно, связан со среднеазиатским импортом (IV–II вв. до н.э.) [Мошкова, 1963, с. 30].

Заключение

Таким образом, отмечается два периода сооружения насыпи кургана. Первый период – «савроматский», более ранний, датируется V–IV вв. до н.э. Это подтверждается конструкцией кургана, состоявшей из грунтовых блоков и бревенчатого перекрытия, с обязательным использованием огня; подобные подкурганые сооружения принадлежали представителям элиты древнего общества [Кадырбаев, 1984, с. 85; Смирнов, 1964, с. 88, 89]. В центральной яме было совершено два одновременных погребения. Первое датируется V–IV вв. до н.э., над ним сооружалась конструкция, позже могила была разграблена при совершении более позднего захоронения, датируемого 2-й половиной IV – началом III в. до н.э. В насыпи кургана в процессе раскопок были обнаружены череп и нижняя челюсть женщины, фрагмент зеркала, датируемого V–IV вв. до н.э. К раннему периоду относится и погребение-2, принадлежавшее мужчине, головой ориентированному на запад.

Второй период сооружения кургана – «раннесарматский», к нему относятся все остальные погребения, датируются они в рамках 2-й половины IV – начала III в. до н.э. Это подтверждает и анализ вещевого материала. Погребальный обряд на рубеже веков менялся, так как со 2-й половины IV в. до н.э. в обществе ранних кочевников Южного Приуралья наступили социально-экономические перемены, которые нашли отражение в признаках погребений, типологии предметов. Эти изменения мы можем проследить на примере кургана №1.

Курган №1 могильника Жайык-1 представляет собой курган-кладбище, погребения в котором располагались по определенному правилу, в данном случае по кольцу. Умершие лежали в прямоугольных ямах, в ямах с заплечиками, в ямах с подбоем, вытянуто на спине, головой преимущественно к югу, с некоторым отклонением на юго-восток, юго-запад. Для женских погребений в данном кургане характерен большой объем затрат на сооружение могильных ям, особенно на яму погребения-6. Вещевой комплекс, обнаруженный в захоронениях, также маркирует социальное положение погребенных. По итогам предварительного анализа этих вещей особое внимание акцентировано на женщинах. Все женские погребения, в отличие от мужских, содержали предметы, так или иначе отражавшие их статус. Например, погребения-1, 5 и 6: наличие в них фрагментов роскошной шкатулки (погребение-1), импортной парадной посуды (погребение-1), меча (погребение-1), нашивных блях из желтого металла (погребение-5), украшений (погребение-6), бронзового котла (погребение-6), наконечника стрелы (погребение-6), курильницы (погребение-6), ритуальных «молоточков» (погребение-6) демонстрируют их статус в обществе. Можно сказать об исполнении жреческих функций женщины из погребения-6. Нарушая гендерные стереотипы, в женских погребениях могли присутствовать элементы вооружения, что не всегда характеризовало женщину как воина, но могло указывать на ее положение в обществе. Детское захоронение также можно отнести к категории нерядовых, наличие украшений и кувшина из разряда «парадной» посуды говорит о статусе человека. В погребении-7 женщина лежала на животе, а инвентарь представлен только пряслицем и разбитым сосудом. При сопоставлении всех вещей в погребениях здесь он самый скромный, лишь у нее отсутствуют украшения и другие маркирующие предметы, которые позволили бы говорить о ее особом статусе.

Очень важно обозначить то, что женские погребения расположены в западной части кургана, все мужские – в восточной. Очевидно, для сармат, которые сооружали данный комплекс, огромное значение имел вопрос распределения пространства: оно четко делилось на женскую и мужскую зону. Возможно, сарматы, создавая курганы-кладбища

по принципу проекции своих жилищ, сохраняли семантику распределения зон, принадлежавших женщинам и мужчинам, так, как это было принято делить их в жилище. Такая система пространственного разделения на женскую и мужскую половины соблюдалась в традиционном жилище казахов (юрте) вплоть до начала XX в.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МОН РК, ИРН проекта AP05131573. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность за консультации С.Б. Болелову, В.М. Клепикову, С.В. Демиденко.

Библиографический список

Балабанова М.А. Поза погребенных как объект археолого-этнографических исследований (по погребальным комплексам позднесарматского времени) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. Вып. III. С. 23–39.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников // Поволжская археология. 2017. №2 (20). С. 28–46.

Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №2 (21). С. 36–44.

Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1 (14). С. 72–79.

Вдовченко Е.В. «Мужское» и «женское» в погребальном обряде и обществе сарматов Подонья (по материалам курганного могильника Новый) // Преподаватель. XXI век. 2013. Т. 2. №4. С. 287–294.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М. : Наука, 1977. 194 с.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О символике металлических котлов в культуре кочевников // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, №2 (19). С. 114–117.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. 2010. №3. С. 145–174.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 84–93.

Клепиков В.М. Погребения IV в. до н.э. и начало раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. С. 62–101.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. 216 с.

Куриных О.И. Виды погребальных конструкций в могильниках у с. Покровка (савроматская и раннесарматская эпохи) // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий. Оренбург : ОГПУ, 2008. С. 63–85.

Лукпанова Я.А. Археологические исследования сарматских погребений из кургана 2, могильника Таксай-2 (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Элиста : Калмыцкий гос. ун-т, 2016. С. 108–117.

Мошеева О.Н. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 11. С. 147–169.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 56 с. (САИ. Вып. Д1-10).

Очир-Горяева М.А. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI–V вв. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 20 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 299 с.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. : Наука, 1973. С. 166–179.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука, 1984. 184 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. М. : Наука, 1992. 494 с.

Таиров А.Д. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10. С. 137–148.

Хисаметдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 452 с.

References

Balabanova M.A. Poza pogrebennyh kak ob'ekt arheologo-etnograficheskikh issledovaniy (po pogrebal'nyim kompleksam pozdnesarmatskogo vremeni) [The Pose of the Buried as an Object of Archaeological and Ethnographic Research (on burial complexes of the late Sarmatian time)]. Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii [Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on Archaeology of the South of Russia]. Rostov-na-Donu : Izd-vo YuNC RAN, 2011. Vyp. III. Pp. 23–39.

Bejsenov A.Z., Dzhumabekova G.S. O drevnem rituale porchi predmetov, ispol'zuemyh v obryade pogrebeniya kochevnikov [Ancient Item Spoilage Ritual Used in Nomadic Burial Rite]. Povolzhskaya arheologiya [The Volga River Region Archaeology]. 2017. №2 (20). Pp. 28–46.

Berseneva N.A., Gilmitdinova A.H. Detskie pogrebeniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (IV–II vv. do n.e.) [Children's Burials of the Early Nomads of the Southern Urals (the 4th – 2nd Centuries BC)]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2013. №2 (21). Pp. 36–44.

Berseneva N.A. Zhenskie pogrebeniya s oruzhiem: realii zhizni ili otobrazhenie social'noj identichnosti (po materialam sargatskoj kul'tury) [Women's Burials with Weapons: the Realities of Life or the Display of Social Identity (based on the materials of the sargat culture)]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2011. №1 (14). Pp. 72–79.

Vdovchenko E.V. «Muzhskoe» i «zhenskoe» v pogrebal'nom obryade i obshhestve sarmatov Podon'ya (po materialam kurgannogo mogil'nika Novyj) [“Male” and “female” in the Funeral Rite and Society of the Sarmatians of Don River Region (based on the materials of the new burial mound)]. Prepodavatel'. XXI vek [Teacher. The 21st Century]. 2013. T. 2. №4. Pp. 287–294.

Gucalov S.Yu. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e. [Ancient Nomads of the Southern Urals 7th – 1st Centuries BC]. Ural'sk : Zapadno-Kazahstanskij centr istorii i arheologii, 2004. 136 p.

Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V., Fedorov-Davydov G.A. Raskopki kurganov v urochishhe Krivaya Luka v 1973 g. [Excavations of Mounds in the Krivaya Luka tract in 1973]. Drevnosti Astrahanskogo kraja [Antiquities of the Astrakhan Region]. M. : Nauka, 1977. 194 p.

Demidenko S.V. Bronzovye kotly drevnih plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e. – III v. n.e.) [Bronze Cauldrons of Ancient Tribes of the Lower Volga and Southern Cisurals (the 5th Century BC – 3rd Century AD)]. M. : Izd-vo LKI, 2008. 328 p.

Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A. O simbolike metallicheskih kotlov v kul'ture kochevnikov [On the Symbolism of Metal Cauldrons in the Culture of Nomads]. Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Bulletin]. 2017. Vol. 6, №2 (19). Pp. 114–117.

Dzigovskij A.N., Ostroverhov A.S. «Strannye komplekсы»: o semantike predmetov i pamyatnikov v celom [“Strange Complexes”: on the Semantics of Objects and Monuments in General]. Stratum plus. 2010. №3. Pp. 145–174.

Kadyrbaev M.K. Kurgannye nekropoli verhov'ev r. Ilek [Kurgan Necropolises of the Upper River Ilek]. Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time]. M. : Nauka, 1984. Pp. 84–93.

Klepikov V.M. Pogrebeniya IV v. do n.e. i nachalo rannesarmatskoj migracii v Nizhnem Povolzh'e [Burials of the 4th Century BC and the Beginning of Early Sarmatian Migration in the Lower Volga]. Arheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epohu bronzovogo, rannego zheleznogo vekov i srednevekov'ya [Archaeology of the Volga-Ural Region in the Bronze, Early Iron Ages and the Middle Ages]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 1999. Pp. 62–101.

Klepikov V.M. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e. [Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th – 3rd centuries BC]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2002. 216 p.

Kurinskih O.I. Vidy pogrebal'nyh konstrukcij v mogil'nikah u s. Pokrovka (savromatskaya i rannesarmatskaya epohi) [Types of Burial Structures in Burial Grounds near the Pokrovk Village. a (Savromat and Early Sarmatian eras)]. Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete novejshih arheologicheskikh otkrytij [Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries]. Orenburg : OGPU, 2008. Pp. 63–85.

Lukpanova Ya.A. Arheologicheskie issledovaniya sarmatskih pogrebenij iz kurgana 2, mogil'nika Taksaj-2 (predvaritel'noe soobshhenie) [Archaeological Research of Sarmatian Burials from Mound 2, Taksaj-2 Burial Ground (preliminary report)]. Problemy arheologii Nizhnego Povolzh'ya [Problems of Archaeology of the Lower Volga Region]. Elista : Kalmyk University, 2016. Pp. 108–117.

Mosheeva O.N. Egipetskij fayans v sarmatskih pogrebeniyah Nizhnego Povolzh'ya [Egyptian Faience in the Sarmatian Burials of the Lower Volga Region]. Nizhnevolszhskij arheologicheskij vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. 2010. Vyp. 11. Pp. 147–169.

Moshkova M.G. Pamyatniki prohorovskoj kul'tury [The Sites Monuments of the Prokhorovskaaya Culture]. SAI. Vyp. D1-10. M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. 56 p.

Ochir-Goryaeva M.A. Savromatskaya kul'tura Nizhnego Povolzh'ya VI–V vv. do n.e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Savromat Culture of the Lower Volga region of the 6th – 5th centuries BC: Abstract Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. L., 1987. 20 p.

Skripkin A.S. Aziatskaya sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspekt [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov : izd-vo Sarat. un-ta, 1990. 299 p.

Smirnov K.F. Kuril'nicy i tualetnye sosudiki aziatskoj Sarmatii [Incense Burners and Toilet Vessels of Asian Sarmatia]. Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti [Caucasus and Eastern Europe in Antiquity]. M. : Nauka, 1973. Pp. 166–179.

Smirnov K.F. Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gosподstva v Skifii [Sarmatians and the Assertion of their Political Domination in Scythia]. M. : Nauka, 1974. 184 p.

Stepnaya polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Zone of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian Times]. Ed. M.G. Moshkova. M. : Nauka, 1992. 494 p.

Tairov A.D. O transformacii kul'tury kochevnikov Yuzhnogo Urala v konce V – nachale IV v. do n.e. [About the Transformation of the Culture of Nomads of the Southern Urals at the End of the 5th – Beginning of the 4th century BC]. Nizhnevolszhskij arheologicheskij vestnik [Lower Volga Archaeological Bulletin]. 2009. Vyp. 10. Pp. 137–148.

Hisametdinova F.G. Mifologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka [The Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. M. : Nauka, 2010. 452 p.